
НАСЛЕДИЕ

Э. О. БЕРЗИН

ВСЛЕД ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Берзин Эдуард Оскарович (1931–1997) – известный советский ученый, доктор исторических наук, автор работ по истории и культуре Юго-Восточной Азии.

Статья «Вслед за железной революцией» была впервые опубликована в журнале «Знание – сила», 1984, № 8. Она замечательна тем, что содержит обстоятельно аргументированную разгадку «загадки одновременности» осевого времени, сформулированную еще Карлом Ясперсом: чем обусловлены столь радикальные изменения в мышлении и системе ценностей за очень короткий срок на огромном культурно-географическом пространстве – от Иудеи и Греции до Индии и Китая?

В XII–XI веках до н. э. на Переднем Востоке, в Закавказье и в Восточном Средиземноморье началась так называемая «железная революция». Здесь впервые было освоено массовое и дешевое производство железа. До этого оно было известно только как драгоценный металл, дороже серебра и золота.

В начале I тысячелетия до н. э. железная революция охватила территорию Средней Азии и значительную часть Европы, на рубеже VIII–VII веков – Индию, а в VI веке до н. э. – Китай.

Наступило то время, о котором Ф. Энгельс писал: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний – вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов».

Время и место возникновения железной революции не были случайными. (Подробно я рассказывал об этом в нашем журнале¹

---

¹ Речь идет о журнале «Знание – сила». – Прим. ред.

в 1978 году, в номерах 7 и 8.) Новой эпохе предшествовал тяжелейший аграрный и демографический кризис, охвативший в XIV–XII веках до н. э. всю область цивилизованных стран бронзового века на Переднем Востоке и в Греции, а также обширнейшую периферию, прилегающую к этим странам. Население здесь продолжало расти, а все земли, годившиеся для возделывания при тогдашней технике, были уже освоены. Технология бронзового века исчерпала тут свои возможности. Великие державы Переднего Востока, Вавилония, Ассирия, Хеттское царство и Египет, так же как и Микенское государство в Греции, одна за другой стали распадаться и приходиться в упадок.

И в то же самое время аграрный и, следовательно, демографический кризис, начиная с середины II тысячелетия до н. э., стал постепенно поражать и те огромные пространства Европы и Азии, где еще не сложились государства. Здесь тоже все меньше становилось неиспользованных земель, которые можно было поднять деревянной сохой или плугом. За уже освоенные территории начинается ожесточенная борьба. Племена Центральной и Восточной Европы, пробиваясь в более плодородные районы, оттесняли своих соседей на юг и запад, а те в свою очередь обрушивались со всей силой отчаяния на земли ослабевших цивилизаций Переднего Востока и Греции.

Волна переселения народов (по размаху она уступала только знаменитому Великому переселению народов в начале н. э.) прокатилась в XIII–XII веках до н. э. по огромной полосе – от Средиземного моря до Северного Китая. Всюду она сеяла хаос и добывала остатки бронзовой цивилизации. Результатом был известный социальный регресс этих областей, уравнивший их в какой-то мере с прилегавшей «варварской» периферией.

В XII–XI веках до н. э. ведущим типом социальных отношений не только на землях этой периферии, но и на территории древних классовых обществ Греции, Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Северной Месопотамии стала военная демократия. Ф. Энгельс писал: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ра-

ди грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».

Мелкие полугосударства, полуродовые общины боролись между собой повсюду, причем характер войны по сравнению с бронзовым веком резко изменился. На место малых армий, вооруженных тяжелым дорогостоящим оружием (в бронзовом веке главной частью войска были боевые колесницы), пришло своего рода всенародное ополчение. Железо, дешевое и распространенное почти всюду, позволило вооружить все мужское население.

В это время сразу в нескольких очагах (Западная Малая Азия, Ионические острова, Армянское нагорье, Грузия, Северо-Восточный Иран) началось массовое производство железа. Сначала оно шло прежде всего на оружие, а затем появились и широко распространились железные орудия труда. Именно они позволили Древнему миру выйти из того экономического тупика, в который он зашел в конце бронзового века.

Там же, где кризис был менее острым или начался позднее, наступил соответственно позже и железный век.

Три главных культурных региона видим мы в бронзовом веке: Передний Восток и Грецию, Индию, Китай и прилегающие к нему страны. В I тысячелетии до новой эры исторические пути Греции и Переднего Востока разошлись. Поэтому в Старом Свете в раннем железном веке историки выделяют уже четыре основных региона: Грецию (а в широком плане – все Средиземноморье, где Греция была ведущей культурной силой), Передний Восток, Индию, Китай. Общества во всех этих регионах так или иначе приспособились к экономическим условиям, возникшим в железном веке, и построили на новом фундаменте свои особые социальные, политические и культурные надстройки.

Раньше всех преодолел кризис и создал новую организацию Передний Восток. Но зато здесь этот процесс оказался самым длительным и мучительным. Прошло более пяти веков, прежде чем политическая надстройка и соответствующие ей идеологические формы выкристаллизовались здесь в наиболее подходящей для экономических условий форме. Другие регионы прошли этот путь быстрее, но и там история становления нового общества изобилует драматическими моментами.

Первым государством железной цивилизации стало после хаоса, царившего в XII–X веках до н. э., так называемое Новоассирийское царство, уже в древности оно получило прозвище «кровавой Ассирии». В эпоху развитого бронзового века конфликты решались

в столкновениях небольших профессиональных армий. Мирное население обычно оставалось в стороне. И с военнопленными тогда обращались в общем неплохо. Это неудивительно. Классовый строй на территории цивилизации Переднего Востока существовал тогда уже около двух тысячелетий. Общество устоялось. Господствующие слои научились поддерживать свою власть в нем не только вооруженной силой. Если какой-нибудь царек сдавался победителю, его подданные безропотно переходили под новую власть.

Но после страшного социального взрыва в конце бронзового века старые формы управления оказались во многом непригодными, особенно когда стало общедоступным железное оружие. Привычные способы принуждения отошли в прошлое вместе с рухнувшими традициями эпохи бронзы. И на первое место вышло прямое насилие – в самой зверской форме. Четко организованные ассирийские армии двигались от селения к селению, оставляя за собой дымящиеся развалины. Анналы ассирийских царей IX века до н. э. пестрят упоминаниями о бесчисленных массовых казнях. По подсчетам профессора И. М. Дьяконова, только с 883 года по 876 год до н. э. на территории, отошедшей к Ассирии, было истреблено или обращено в рабство не менее трети населения.

Лишь после 745 года до н. э., когда террор уже сыграл свою роль и власть ассирийцев утвердилась, покоренные народы стали не истреблять, а организовано переселять в другие места; так стремились перемешать разные этносы между собой, с тем чтобы оторвать их от родных корней и сделать покорными подданными Ассирии.

Ассирийские цари «сколотили» первую в мировой истории империю, то есть государство, объединившее несколько стран. Раньше свободные или полусвободные жители мелких и мельчайших областей региона уничтожали друг друга в бесконечных междоусобных войнах, причем грабеж был для них высшей доблестью. На территории державы чудовищной ценою был установлен внутренний мир. Торговля, бывшая смертельно опасным занятием на рубеже бронзового и железного веков, снова расцвела, укрепились экономические связи между отдельными частями региона. Те, кто пережил грозу ассирийских завоеваний, могли теперь пользоваться относительными благами мирной жизни.

Однако такого мира хватило лет на 70–80 (срок небольшой для древней истории). Сколотив свою империю огнем и мечом, ассирийские цари много сделали для ее организации, и их опыт в дальнейшем был широко использован другими империями. Так, ассирийцы впервые в мировой истории создали систему провинций во

главе с губернаторами. Нельзя сказать, чтобы они совсем не понимали роли идеологии в жизни общества. Однако тут правители Ассирии прежде всего заботились о сокрушении чужих духовных традиций. Они часто разрушали храмы враждебных народов, а священные статуи богов увозили «в плен». Ту же цель, в частности, преследовали и насильственные переселения масс людей.

Но ассирийские правители не предприняли никаких попыток заменить уничтожаемые местные духовные ценности новыми, общеимперскими. Все свои войны ассирийские цари вели от имени своего верховного бога Ашшура, но не выводили его культ за пределы коренных ассирийских земель. Впрочем, такая попытка наверняка не принесла бы успеха. По понятиям той эпохи, каждый бог был господином только на своей земле. Молодая Ассирийская империя еще не могла породить идеи универсального бога. Старые традиции города-государства Ашшура оставались единственной идеологической опорой империи, а этого было явно недостаточно, чтобы обеспечить ей хотя бы видимость духовного единства.

В 70–60-х годах VII века до н. э. в окрепших ассирийских провинциях под знаменем старых местных богов вновь начинается брожение, а потом вспыхивают прямые восстания против центральной власти. На это ассирийский царь Ашшурбанапал смог ответить только возобновлением кровавого террора. Но новые страшные зверства ассирийских войск уже не могли удержать империю от распада. В 670 году до н. э. завоевало свободу иранское царство Мидия, в 655 году до н. э. – Египет, в 626 году до н. э. – Вавилония. В 612 году до н. э. соединенные войска Мидии и Вавилонии взяли столицу Ассирии Ниневию, «логово львов».

История первой империи показала, что ни одно крупное государство не может существовать сколько-нибудь долго, опираясь на одно лишь насилие. Но экономическая потребность объединения региона осталась, и вскоре после падения Ассирии между ее крупнейшими наследниками Мидией (Северо-Западный Иран) и Вавилонией началось соперничество. Окончательное столкновение было несколько отсрочено перегруппировкой сил в Иране, где гегемонию Мидии в 550 году до н. э. сменила гегемония Персии. Здесь в 550 году Мидия была побеждена Персией. Во главе нового большого государства встал царь Кир Великий из династии Ахеменидов. Этот выдающийся политик прекрасно понимал значение духовного начала в строительстве империи. Когда в 539 году до н. э. его войска почти бескровно заняли Вавилон, он издал манифест, утверждая, что цель его прихода – защита вавилонских богов от вавилонского же царя Набонида (у того действительно были конфликты со жрецами).

«Набонид, – писал Кир в своем манифесте, – удалил древние идолы богов. Он отменил враждебным образом ежедневные жертвы богам. Он совершенно предал забвению почитание Мардука, царя богов. Он всегда творил зло своему городу... Правил он жестоко... Из-за жалоб людей владыка богов (Мардук. – Э. Б.) впал в гнев... Мардук, великий владыка, защитник своего народа, будучи доволен добрыми делами Куруаша (Кира. – Э. Б.), велел ему выступить против своего города Вавилона... Он шел рядом с ним как друг, позволил ему без боя вступить в свой город Вавилон, не причинив Вавилону никакого бедствия...

Когда я, – пишет далее Кир, – вступил в Вавилон дружелюбно... Мардук, великий владыка, побудил прекраснодушных жителей Вавилона любить меня, и я ежедневно старательно почитал его. Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно, я не позволил никому пугать жителей Шумера и Аккада. Я установил мир в Вавилонии и во всех ее священных городах... Я отменил иго, которое было наложено на них. Я принес покой в их разрушенные дома и положил конец их жалобам».

Это не первый в истории образец социальной демагогии, но, безусловно, первый образец демагогии в международном масштабе. До этого времени ни один древний монарх еще не обращался таким образом к чужому народу, открыто ставя себя под покровительство бога этого народа. Конечно, на деле, видимо, завоевание Вавилонии проходило отнюдь не так идиллически, но то, что общие принципы политики Кира разительно отличались от политики «кровавой Ассирии», ясно видно из следующих строк манифеста. В них он говорит (и это подтверждает Библия), что разрешает вернуться на родину всем насильственно переселенным, а также возвращает все свезенные в Вавилон статуи богов других стран в их исконные храмы. Вавилония продолжала политику перемещения народов и «хищения» богов, начатую Ассирией, и потому проиграла войну с Киром, выступившим с новой программой.

Кир говорит в манифесте: «...Я вернул на свои места в эти священные города на той стороне Тигра, в святилища, которые в течение долгого времени были в руинах, богов, которые прежде жили там. Я собрал всех их прежних жителей и вернул в их жилища... Пусть все боги, которых я вернул в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня... Пусть они скажут Мардуку, моему владыке: Куруаш – царь, который почитает тебя».

Здесь впервые был сформулирован принцип, которого придерживались в дальнейшем все цари Ахеменидской Персии. В каждой стране империи (а она охватывала весь Передний Восток, от Египта

до реки Инда) персидский царь находился под покровительством местных богов, демонстрируя свое поклонение им. И эти боги играли роль связующих звеньев между царем и подданными его пестрой империи.

Такие действия Кира тем более примечательны, что в ираноязычном ядре его империи роль господствующей религии играл возникший еще в VII веке до н. э. зороастризм, культ единого бога-творца Ахурамазды (которому противостоит дух зла Ангро-Майнью).

В Индии путь от железной революции к созданию государства нового типа – империи – во многом схож с путем, по которому он шел на Переднем Востоке. Однако идеологические обоснования для этого социального устройства здесь были в значительной степени другие, отличаясь от идеологий Китая и Греции.

В Древней Индии в отличие от остальных трех регионов летописи сохранялись недолго (а может быть, их и не было). История как особый жанр литературы в Древней Индии не существовала. Индийские мудрецы свободно рассуждали о миллионах и миллиардах лет, которые якобы длится история человечества в целом, но конкретные даты и исторические факты их интересовали весьма мало. Первые дошедшие до нас древнеиндийские надписи были высечены на камне лишь в III веке до н. э. Первые же рассказы греческих послов, посетивших Индию, относятся к концу IV века до н. э. Скучные обрывки предыдущей политической истории можно почерпнуть только из жизнеописаний знаменитых религиозных деятелей Индии. Лишь благодаря им мы кое-что знаем о государствах, современных этим вероучителям.

Косвенные сведения об истории Древней Индии дают также богатейшие мифология и героический эпос. Эта мифология основана на сочетании мифов, принесенных в Северную Индию индоарийскими племенами, с преданиями коренных жителей Индии – дравидов.

Но по таким источникам только в самых общих чертах можно восстановить историю Индии между XIII веком до н. э., когда сюда вторглись индоарии, и IV веком до н. э. Из источников (в частности, «Ригведы» – собрания более тысячи религиозных гимнов) видно, что к моменту вторжения в Индию пришедшие из причерноморских и северокавказских степей индоарии находились на стадии военной демократии. Их общество четко делилось на три функциональные группы – варны: брахманов (жрецов), кшатриев (воинов-колесничих) и вайшьев (скотоводов и земледельцев). Подобное функциональное деление существовало в бронзовом веке,

видимо, у многих индоевропейских народов. Когда же в эпоху железной революции весь народ оказался вооруженным, деление на воинов и производителей в значительной мере утратило свой смысл и осталось по большей части в мифологии.

В Индии, однако, деление на варны сохранилось вплоть до настоящего времени. Этому способствовали две причины. Во-первых, здесь долго еще оставалось много свободных земель, которые можно было обрабатывать самыми примитивными орудиями, и поэтому переход к железному веку затянулся. Он начался в Индии, как полагают археологи, только около 700 года до н. э. Войско колесничих-кшатриев, таким образом, на протяжении нескольких веков оставалось основной ударной силой индоарийского общества, и привилегии кшатриев закрепились в традиции. Во-вторых, все эти века были временем постепенного завоевания Северной Индии индоариями. О жестоких сражениях с местным населением (дравидами) постоянно упоминают гимны «Ригведы». В этой борьбе индо-арийское общество в целом четко противопоставляло себя местному населению. Та его часть, что не была оттеснена на юг, а подчинилась завоевателям, была организована в новую, четвертую варну – шудр, неполноправных членов общества, обязанностью которых стало обслуживание брахманов, кшатриев и вайшьев. Противостояние трех высших варн² низшей варне – шудр – закрепились в индийской традиции весьма прочно. Даже потрясения раннего железного века (когда случалось, что шудры добирались до царского трона) не могли ее расшатать.

В начале I тысячелетия до н. э. специфическая форма военной демократии в Индии, основанная на делении на варны, начинает перерастать в государственную, сохраняя многие свои особенности. В жизни молодых и сравнительно небольших государств этого времени война продолжает занимать весьма важное место. Одна из таких войн увековечена в великом индийском эпосе «Махабхарата». Центральное ее событие, битва на поле Курукшетра, произошло, по мнению современных историков, между серединой X и началом IX веков до н. э.

Дух того кровавого времени, эпохи, когда (несмотря на формальное первенство брахманов) воин-колесничий кшатрий считался наиболее ценным человеком общества, а царь – первым среди воинов, передан в эпосе очень точно.

---

² В них включили и некоторое количество особенно упорно защищавшихся дравидийских общин, которые завоеватели были вынуждены приравнять к себе.

После наступления железного века, в VII–V веках до н. э., размеры индийских государств постепенно возрастают, а борьба между ними все более обостряется. В IV веке до н. э. большинство этих государств поглощает империя во главе с местными династиями, сначала Нандов, а затем Маурьев.

Теперь на смену войску витязей-кшатриев приходят массовые армии, вооруженные железным оружием. Так же, как и на Переднем Востоке, войны в Индии в раннем железном веке носили крайне жестокий характер. Строители будущих империй всеми средствами стремились подавить кшатрийскую вольницу, сохранившую во многом нравы эпохи военной демократии. Царь Нанда (сам выходец из варны шудров – вещь неслыханная и невозможная в бронзовом веке) получил даже прозвище «истребитель кшатриев». Император Ашока, правивший в III веке до н. э., уничтожил, по собственному признанию, только в стране Калинга 100 тысяч человек.

Но, как уже говорилось, любое государство, тем более империя, не может держаться на одном насилии. Империя Маурьев охватила почти весь Индийский субконтинент. Старая политеистическая религия, унаследованная от родового строя, не могла служить духовной опорой для ее власти. Тем более что эта религия начиная с VII–VI веков до н. э. была подорвана напряженной работой религиозной и философской мысли в раннем железном веке. Древняя Индия того времени фактически не знала никакой религиозной цензуры. Формально монополия на истолкование догматов и исполнение обрядов принадлежала брахманам. Но цари-кшатрии отнюдь не поощряли брахманов и не поддерживали вооруженной рукой их притязания на идеологическое господство в обществе. Поэтому в VII–V веках до н. э. на дорогах и в лесах Индии появилась огромная армия бродячих проповедников и отшельников, выходцев из всех варн (включая и отколовшихся от традиционной религии брахманов), которые провозглашали совершенно новые, «еретические», взгляды на богов. Некоторые из таких проповедников отрицали и самое существование богов.

В результате этих духовных исканий в Индии возникли новые универсальные религии. Они преодолевали варновые и этнические барьеры, делившие индийское общество. Одно из этих учений – буддизм – в III веке до н. э. стало государственной религией империи Маурьев.

Обратимся теперь к истории третьего культурного региона – Китая. В отличие от Индии эта страна обладает богатейшей историографической традицией, и мы можем детально проследить ее политическую историю в раннем железном веке. Он начался здесь

в VI веке до н. э. и вскоре принес свои обычные последствия. Период V–III веков до н. э. китайские летописцы выразительно назвали «чжаньго» – «период сражающихся царств». В это время в Китае существовало семь крупных царств и 140–150 удельных княжеств, которые находились в состоянии постоянной конфронтации друг с другом. Подсчитано, что при населении Китая того времени в 20 млн. человек в армии всех царств входило 2 млн. 300 тыс. воинов.

Методы ведения войны во многом напоминали ассирийские. В конце концов в 221 году до н. э. Китай объединился в единую империю Цинь. Первый китайский император Цинь Ши-хуанди тут же издал указ о поголовном разоружении населения, а затем, чтобы внушить своим подданным правила новой государственной организации, развернул такой духовный (были сожжены все книги, кроме сочинений по сельскому хозяйству, медицине, астрономии и астрологии) и политический террор, какой не имел до того аналогий в исторических анналах. В отличие от ассирийских царей Цинь Ши-хуанди в этой войне опирался на собственную идейную платформу – легизм, созданный ранее китайскими философами. Суть легизма как учения заключалась в том, что государство (а еще точнее, его символ – император) существует только ради самого себя, своего величия. Все, что мешает этой цели, в том числе даже традиционные религиозные обряды, подлежит беспощадному искоренению.

Идеология легизма в чистом виде, однако, не прижилась. Империя Цинь лишь на три года пережила своего основателя, она была сметена крестьянским восстанием. При утвердившейся вскоре после этого династии Хань постепенно установилась сложная, присущая только Китаю идеологическая система, в которой сосуществовали, взаимно дополняя друг друга и обслуживая различные стороны общественной жизни, сразу три религии – конфуцианство, даосизм и буддизм.

В Греции – культурном центре четвертого региона, Средиземноморья, в раннем железном веке развитие пошло как бы в обратном направлении по сравнению с другими тремя. Не к империи, а наоборот: от централизованных государств бронзового века на Крите и в материковой Греции к независимым друг от друга городам-государствам. Но это ни в коей мере не было регрессом. Средиземноморье в конечном счете в I веке до н. э. стало империей с центром в Риме. Это была последняя по времени возникновения великая империя Древнего мира. И ее позднее возникновение не было случайностью. В отличие от других регионов, более однородных в географическом и экономическом отношении, Средиземноморью, чтобы

объединиться, надо было пройти гораздо более долгий путь развития, создать прочные торговые связи и коммуникации.

Разные части Средиземноморского региона развивались весьма неравномерно. Сначала в железном веке резко вырвалась вперед Греция. Более чем какая-либо другая страна Древнего мира, она была удобна для интенсивного товарообмена. Плодородной почвы мало, зато она, эта почва, идеально подходит для таких трудоемких культур, как виноград и оливки. Нехватка земли при избытке населения способствовала мощному подъему ремесленного производства. Изрезанная береговая линия благоприятствовала развитию мореходства. Греки рано стали продавать соседям вино, оливковое масло и ремесленные изделия и ввозить зерно из других стран.

Греция, таким образом, стала первой в Древнем мире страной классического товарного хозяйства. А это неизбежно повлекло за собой коренные изменения в политической надстройке и духовной жизни. Особенности природы мешали развитию крупного сельскохозяйственного производства. Средние и мелкие товаропроизводители-рабовладельцы составляли подавляющее большинство свободного населения. В большей части Греции победил строй рабовладельческой демократии, признававшей политическое равенство всех свободных. Свободные граждане греческих городов, в значительной мере освобожденные от наиболее тяжелых форм физического труда, получили неслыханные до этого возможности культурного развития. Были еще и рабы, но их ввозили по большей части из-за рубежа, они – для греков – стояли вне греческого народа.

Маленькая Греция в период своего максимального взлета в VI – V веках до н. э. создала огромное духовное богатство. Оно легло не только в основу культуры всей Римской империи, но и вошло в золотой фонд нашей современной цивилизации.

...При всем своеобразии в развитии отдельных регионов, генеральная линия исторического развития была везде одинаковой: от крушения цивилизаций бронзового века через период подъема военной демократии к созданию региональных империй с духовной культурой, способствующей их единству.

Исторически сложилось так, что идеологические революции во всех четырех регионах произошли в рамках одного сравнительно краткого периода – между VII и V веками до н. э.

Но последствия этих грандиозных перемен в духовной жизни общества сказывались на протяжении многих столетий.